

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СLXXVI.

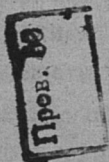

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1874.

24477.

N 121

МУСУЛЬМАНСКІЯ УЧИЛИЩА ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

I.

Жизнь мусульманина, какъ извѣстно, построена на началахъ религіи, созданной Кораномъ, и самыя мелочныя явленія ея подводятся подъ правила, предписываемыя шаріатомъ ¹⁾; поэтому изученіе Корана составляя первую заботу каждаго правовѣрнаго, считается сущью всего образованія. Слѣдствіемъ такого положенія все образованіе исключительно находится въ рулахъ муллъ ²⁾, состоящихъ должностными лицами при мечетяхъ: отсюда школы (мектабъ) и семинаріи (медресэ) тѣсно связаны съ мечетью. Въ такомъ же положеніи находятся и мусульманскія школы въ Туркестанскомъ краѣ. Большая часть изъ нихъ имѣютъ вакфы ³⁾, на счетъ которыхъ онѣ содержатся вмѣстѣ съ мечетью, иногда же на счетъ вакфа содержится только школа съ учителемъ. Въ городахъ Туркестанскаго края (я говорю только о тѣхъ, которыя посѣщены мной) почти каждый гузаръ ⁴⁾, приходъ—или какъ въ другихъ городахъ называютъ *магале*,—имѣетъ свою школу. Преподавателями (мекшебдаръ) въ нихъ бываютъ

¹⁾ Толкованіе Корана и преданій, оставшихся отъ Мухамеда.

²⁾ Мулла, грамотный, ученый мулла. Въ азіатскихъ государствахъ нельзя признать духовенства въ томъ корпоративномъ значеніи, какъ принято. По мусульманскому ученію, всякій ученый можетъ быть духовнымъ лицомъ.

³⁾ Вакфомъ называется все то, что завѣщано какому-нибудь учрежденію или лицу. Почти каждый вакфъ обусловливается документомъ на завѣщанное имущество. По существу дарственной записи завѣщанное имущество не перепродается и не отнимается. Учрежденіе или лицо, получившее вакфъ, имѣетъ право только на доходъ съ имущества и вообще право пользованія имъ. Объемъ нашей статьи не позволяетъ намъ распространяться объ этомъ предметѣ.

⁴⁾ Гузаръ—часть города, приходъ, отъ Таджикскаго глагола гузагитенъ.

имамъ ¹⁾ или муэзинъ ²⁾ мечети и, весьма рѣдко, постороннее лицо. Надо замѣтить, что народное образованіе во всемъ мусульманскомъ мірѣ содержится болѣе частною благотворительностью, чѣмъ на счетъ государства. Всѣ высшія училища содержатся на доходы съ завѣщанныхъ имъ имуществъ эмирами, визирями и богатыми людьми; а низшія или же на счетъ вакфа, или на счетъ общества прихожанъ. Учитель школы, какъ замѣчено выше, если онъ не изъ лицъ, служащихъ при мечети, что бываетъ весьма рѣдко, избирается преимущественно изъ жителей того квартала, въ которомъ находится школа; рѣдко бываетъ это лицо постороннее, изъ другой части города. Въ обоихъ случаяхъ содержаніе ему платятъ жители квартала по 1—2 тенгъ съ дома. Если же учитель приглашенъ изъ отдаленнаго квартала, то, кромѣ того, ему отводится, вмѣстѣ съ семействомъ, особое помѣщеніе вблизи школы. Для полученія мѣста школьнаго учителя не требуется никакихъ особенныхъ правъ. Кварталь, нуждающійся въ учителѣ, поручаетъ кому-либо изъ уважаемыхъ лицъ своего околка, приискать такового; отъ послѣдняго требуется только, чтобы онъ самъ окончилъ курсъ ученія въ школѣ. Кромѣ содержанія изъ вакфа, или отъ общества и съ приходящихъ учениковъ а иногда, какъ сказано выше, готоваго помѣщенія,—учитель ничего не получаетъ. Всѣ учащіеся въ школѣ—приходящіе. Внутренность школы, какъ и вся домашняя обстановка правовѣрнаго, чрезвычайно незатѣйлива и проста. Школу составляетъ одна комната съ нѣсколькими дверьми, замѣняющими окна; лѣтомъ всѣ двери стоятъ настежь цѣлые дни, а зимою, кромѣ входныхъ дверей, всѣ остальные заставляются рѣшетчатыми рамами, обклеенными бумагою. Иногда надъ дверьми бываютъ небольшія окна. Въ стѣнахъ обыкновенно устроены ниши для калошъ, платья и т. п. вещей. Для освѣщенія комнаты въ потолокъ находится небольшое квадратное отверстіе, называемое *табданъ*, открытое лѣтомъ, а зимою закрытое фонаремъ, состоящимъ изъ деревянныхъ брусковъ, обклеенныхъ бумагою. Видъ фонаря походитъ на переплетъ полураскрытой книги корешкомъ къверху. Подобное устройство имѣютъ помѣщенія всѣхъ школъ при мечетяхъ. Тѣ же школы, для которыхъ нѣтъ особаго помѣщенія при мечети, устраиваются въ *мишанъ-ханѣ*—въ пріемной комнатѣ учителя.

На полу параллельно стѣнамъ, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина отъ

¹⁾ Имамъ—совершающій богослуженіе въ мечетяхъ.

²⁾ Муэзинъ—причетникъ мечети, возвѣщающій народу время молитвы.

нихъ, положена связка изъ бревенъ вершковъ 5 толщиною, соединенныхъ между собой въ углахъ срубомъ. Связка эта замѣняетъ ученикамъ, сидящимъ на полу съ поджатыми ногами, столы и представляетъ собою парты особаго устройства. Ученики сидятъ внѣ этого сруба, лицомъ во внутрь комнаты, а учитель—среди ихъ за бревнами, образующими парты. Полъ комнаты устланъ плетенками изъ камыша или же просто соломою. Кромѣ книгъ, близъ учителя лежитъ длинный прутъ, часто употребляемый въ дѣло для возбужденія вниманія въ развлекшихся ученикахъ. Задавая урокъ одному изъ нихъ, учитель въ то же время слѣдитъ изъ подлѣбья за остальными и всегда неожиданно съ своего мѣста достаетъ прутомъ шалуна.

Посмотримъ теперь какъ, при этой незатѣйливой обстановкѣ, развивается мусульманская мудрость.

По существующему обычаю, отецъ, условившись предварительно съ учителемъ относительно платы, которая бываетъ, смотря по состоянію, отъ $\frac{1}{2}$ до 2 тенги ¹⁾ въ мѣсяцъ, приводитъ своего 6—8 лѣтняго сына въ школу и вмѣстѣ съ тѣмъ приносить „дастарханъ“, т. е. угощеніе, состоящее изъ лепешекъ и изюма. Передавая сына, вмѣстѣ съ принесенными гостинцами, учителю,—отецъ поручаетъ перваго его мудрости. Учитель, принявши изюмъ и лепешки, которыхъ бываетъ числомъ девять или кратное отъ числа девяти ²⁾, угощаетъ ими будущихъ товарищей новобранца, потомъ, посадивъ его возлѣ себя, даетъ ему первый урокъ, заставляя повторять слѣдующіе стихи:

„Боже милосердый, просвѣти сердце раба твоего“.

„Рабъ этотъ мусульманинъ, жаждущій читать Коранъ“.

„Онъ ищетъ твоего покровительства, ибо много согрѣшилъ“.

Изученіе этихъ стиховъ на память продолжается нѣсколько дней. Новопоступившій ученикъ, если онъ сынъ богатаго человѣка, почти всегда сидитъ близъ учителя, на видномъ мѣстѣ; въ противномъ слу-

¹⁾ Теньга—коконъ—туземная монета 20 коп.

²⁾ Полагаю, не безынтересно будетъ замѣтить, что мусульмане Туркестанскаго края за счастливыя цифры считаютъ 2, 7, 9, 11 и 40. Число *два* чувствуется въ память Хозрета, пророка *Хызра* (Эноха) и Ильясъ (Иліи), завѣщавшихъ для хорошаго исхода всякаго начинанія дѣлать дѣло два раза; *семь*—въ честь Богаустдина (Нахшибенди), завѣщавшаго, чтобы всякая милость, во имя Бога, творилась 7 разъ; *девять*—въ честь девяти женъ Мухамеда; *одинадцать*—въ честь Хозрета-Гаусули-Азама, имѣющаго 11-ть прозвищъ, а *сорокъ*—въ честь 40 святыхъ, бывшихъ до Магомета. Туземцы не знаютъ собственныхъ именъ этихъ святыхъ.

чаѣ, черезъ нѣсколько дней или недѣлю, ученика сажаютъ куда придется. Вообще дѣти богачей пользуются въ школахъ большимъ вниманіемъ учителя.

Просвѣтивъ, такъ сказать, ученика вышеприведенными стихами, учитель пишетъ на доскѣ арабскую азбуку, состоящую изъ двадцати восьми буквъ. Объяснивъ ученику произношеніе каждой буквы, учитель передаетъ ему доску и поручаетъ кому-либо изъ сосѣдей помогать ему. Въ нѣкоторыхъ школахъ учитель, задавъ первый урокъ новопоступившему ученику, поручаетъ его своему халифе.

Халифе—это помощникъ учителя. Такъ какъ учитель не всегда можетъ проводить цѣлые дни въ школѣ, то у каждаго изъ нихъ есть одинъ или два халифе. Это—старшіе ученики по времени поступленія въ школу. Въ большинствѣ случаевъ они выбираются изъ учениковъ, кончившихъ уже курсъ, но оставшихся въ школѣ для усовершенствованія въ каллиграфіи. Въ отсутствіе учителя, халифе занимаются съ учениками, выслушиваютъ приготовленные ими уроки, задаютъ новые и вообще слѣдятъ, чтобы дѣти были заняты. Въ присутствіи учителя они, какъ я замѣтилъ, помогаютъ менѣе способнымъ ученикамъ готовить уроки. Халифе не получаютъ никакого вознагражденія за оказываемую помощь учителю. Когда, по существующему порядку, ученикъ самъ заявить, что онъ знаетъ урокъ, учитель задаетъ ему новый. Срока для этого заявленія не опредѣляется. Выучивъ твердо азбуку, ученикъ переходитъ къ абджаду. Абджадъ—упражненіе для памяти, состоящее въ томъ, что согласныя буквы соединены въ слова, имѣющія не лексическое значеніе, а числовое. Въ этомъ заучиваніи на память сочетанія буквъ и заключаются всѣ ариометическія познанія, выносимыя учениками изъ первоначальной школы.

Зубреніе кабалистическихъ словъ абджада занимаетъ 1 — 2 недѣль. Вообще, опредѣлить въ какой періодъ усваиваетъ ученикъ книгу, равно и продолжительность самаго ученія, трудно. Пройдя абджадъ, ученикъ переходитъ къ изученію Корана. При этомъ онъ освобождается на одинъ день отъ ученія, а признательные родители, за сдѣланные сыномъ успѣхи, присылаютъ учителю одну или двѣ тениги въ подарокъ.

Изученіе Корана начинается съ 1-й главы его Алхаша. За нею слѣдуютъ, въ опредѣленномъ порядкѣ, другія главы Корана, послѣдовательность которыхъ объяснена ниже въ примѣчаніи. По изученіи каждой серіи главъ, ученикъ пользуется увольненіемъ отъ ученія на

одинъ день, а учитель получаетъ отъ родителей 1—2 тенги, или блюдо кушанья.

Послѣ изученія учениками главы, заключающей собою третью серію, совершается особое празднованіе успѣховъ ученика, которое происходитъ, по установившимся обычаямъ, слѣдующимъ образомъ: учитель вставляетъ между связанныхъ кистей рукъ ученика, отверстіемъ къ верху, пустой пеналъ или ящикъ отъ чернильницы. Затѣмъ ученикъ, въ сопровожденіи старшаго изъ учениковъ въ школѣ и другихъ товарищей, отправляется сперва къ родителямъ, отъ нихъ со всею свитой обходитъ всѣхъ родныхъ. Каждый изъ нихъ обязанъ положить въ футляръ нѣсколько монетъ, которыя идутъ въ пользу учителя. Во все время этой прогулки, какъ къ родителямъ, такъ и къ родственникамъ, старшій изъ учениковъ халифе, поетъ сложенный для этого случая гимнъ. Содержаніе его почти одинаково во всѣхъ школахъ. Авторомъ его считается шейхъ Атаръ-Вали. Въ гимнѣ воспѣваются способности ученика, мудрость учителя и пожеланіе отъ Бога благодати ученику на поприщѣ предпринятаго имъ изученія мусульманской мудрости. Послѣ каждого двустипшія, которыя поетъ, а иногда говорить речитативомъ халифе, сопровождающіе ученика его школьные товарищи припѣваютъ „бяли, бяли“ — точно такъ, точно такъ.

Если процессія не успѣетъ обойти въ одинъ день всѣхъ родныхъ, шествіе продолжается и на другой день; но при этомъ ежедневно вечеромъ ученикъ отправляется къ учителю, чтобы высыпать ему все собранное въ футлярѣ. При каждомъ посѣщеніи товарищи ученика угощаются родными и родственниками изюмомъ и лепешками.

Хотя все пройденное до сихъ поръ ученикъ училъ по книгѣ, но при этомъ онъ не зналъ всѣхъ буквъ шрифта и изученіе шло механически, на память. Поэтому ученикъ начинаетъ повторять сначала всѣ пройденныя имъ 27 главъ Корана. При повтореніи выученнаго прежде на память, онъ складываетъ каждое слово по книгѣ.

Окончательно усвоивъ пройденное, ученикъ переходитъ къ чтенію остальныхъ пятидесяти осьми главъ той части Корана, которая называется Хавту-Экъ и заключаетъ въ себѣ 69 главъ, въ числѣ которыхъ находятся и первыя пройденныя ученикомъ 21 главы. Читая Хавту-Экъ, ученикъ пропускаетъ читанныя и повторенныя уже имъ. Окончивъ Хавту-Экъ, онъ принимается за Каляму-шерифъ (священное слово) Корана.

Передъ тѣмъ какъ одинъ изъ учениковъ долженъ приступить къ изученію Калямъ-шерифъ, учитель приглашаетъ товарищей новаго богослова сдѣлать складчину на угощеніе преуспѣвающаго въ изученіи Корана ученика. На собранныя такимъ образомъ деньги, учитель покупаетъ нѣсколько лепешекъ, халвы, изюму и другихъ лакомствъ и отправляется вмѣстѣ со всѣми учениками въ домъ родителей виновника торжества. Предупрежденный объ этомъ посѣщеніи школьныхъ товарищей сына и учителя, отецъ устраиваетъ у себя праздникъ, на который приглашаетъ сосѣдей и родственниковъ, а также и товарищей сына. Во время достархана (угощенія) отецъ подноситъ въ подарокъ учителю халатъ и чалму. На женской половинѣ также празднуется это торжественное событіе. У матери ученика собираются ея знакомыя и родственницы. Послѣ угощенья, состоящаго изъ нѣсколькихъ кушаній и неизбѣжнаго *тилау*, учитель, въ присутствіи гостей, заставляетъ ученика прочесть первую главу изъ Корана, покупаемаго для этого случая отцомъ ученика. По окончаніи чтенія, гости, совершивъ молитву, расходятся.

Выбувивъ безсознательно весь Коранъ, ученикъ принимается за *Чахаръ-Китабъ*, сборникъ правилъ вѣры, написанный по-персидски. До сихъ поръ вся школьная мудрость заключалась въ безсознательномъ усвоеніи арабской грамоты; съ книгой *Чахаръ-Китабъ*, ученикъ изъ таджиковъ переходитъ къ болѣе или менѣе толковому чтенію и пониманію того, что онъ учитъ, хотя для мальчика всякой другой національности, не говорящаго по-таджикски¹⁾, зубреніе измѣняется только въ отношеніи звуковъ, но не пониманія читаемаго и учимаго.

Казалось бы, что ученику, усвоившему себѣ пока только буквы арабской азбуки, съ переходомъ къ чтенію на персидскомъ языкѣ, въ которомъ болѣе звуковыхъ знаковъ (31 буква вмѣсто 28 арабскихъ), должны представляться особенныя затрудненія при чтеніи письменности, въ которую входятъ незнакомыя ему буквы; но этого, какъ мнѣ приходилось видѣть, не случается. Ученикъ, безъ всякихъ разъясненій со стороны учителя, прямо начинаетъ читать по-персидски, и о существованіи лишнихъ буквъ въ персидскомъ языкѣ противъ арабскаго, онъ узнаетъ только при урокахъ каллиграфіи.

Окончивъ *Чахаръ-Китабъ* и представивъ учителю подарокъ отъ родителей въ 1—2 теньги, ученикъ принимается за книгу *Мантыкъ*,

¹⁾ Нарѣчіе персидскаго языка.

сочиненіе шейхъ Атаръ-Вали, написанное по-таджикски. Послѣ нея ученикъ переходитъ къ сочиненіямъ хаджи Хафиза, одного изъ любимыхъ поэтовъ востока. Стихотворенія его написаны на персидскомъ языкѣ и пользуются огромною извѣстностію. Выучивъ Хафиза, ученикъ приноситъ учителю, неизбѣжный послѣ окончанія изученія каждой книги, достарханъ и двѣ тенги, и на другой день принимается за книгу Мирза-Бидиль, написанную по-таджикски. По изученіи ея, послѣ обычнаго достархана, онъ переходитъ къ послѣдней, завершающей школьную мудрость, книгѣ — стихотвореніямъ эмира Наваи, писаннымъ на тюркскомъ языкѣ. Впрочемъ, болѣе ретивые ученики, послѣ книги Наваи, изучаютъ еще стихотворенія Фузули, написанныя на узбекскомъ языкѣ.

Надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ школахъ за книгой Чахаръ-Китабъ дальнѣйшее изученіе не всегда идетъ въ вышеприведенномъ порядкѣ одного сочиненія за другимъ и не всегда проходятся всѣ указанные учебники; въ школахъ, исключительно наполненныхъ таджиками, послѣ Корана проходятъ только персидскія книги; тамъ же, гдѣ преобладаетъ узбекское населеніе, послѣ Чахаръ-Китабъ за таджикскими книгами изучаютъ и узбекскія.

Выборъ книгъ зависитъ отъ взгляда учителя, но всѣ они держатся одного общаго правила: не прежде давать ученику новую книгу, какъ окончивъ раньше начатую. Можно безошибочно сказать, что нѣтъ школы, гдѣ бы ученикъ въ одно время проходилъ параллельно двѣ, три книги.

Закончивъ все школьное обученіе книгой Наваи или Фузули, ученикъ, если пожелаетъ, продолжаетъ посѣщать школу съ цѣлью учиться каллиграфіи, и только одолѣвъ эту послѣднюю, онъ идетъ въ медресѣ.

Желающіе учиться каллиграфіи обыкновенно готовятъ себя къ обязанностямъ мирзъ; тѣ же, которые идутъ въ медресѣ для усовершенствованія себя въ богословскихъ и юридическихъ наукахъ, изучаютъ каллиграфію не въ первоначальной школѣ, а въ медресѣ, у профессоровъ. Выучившись каллиграфіи, ученикъ изучаетъ цифры и узнаетъ абджадъ, которому онъ безсознательно учился лѣтъ 5 — 8 назадъ.

Экзаменовъ не существуетъ въ видѣнныхъ мною туземныхъ школахъ. Въ нихъ нельзя встрѣтить правильной группировки учениковъ по изучаемымъ книгамъ. Самая неподдѣльная простота существуетъ во

всемъ. Рядомъ съ ученикомъ, зубрящимъ громогласно, на всю улицу, азбуку, почти всегда встрѣтите мальчика, безсознательно скандирующаго стихи хаджи Хафиза, или не менѣе громко читающаго Коранъ. Въ видѣнныхъ мною городахъ присутствіе школы въ кварталѣ даетъ себя знать за нѣсколько десятковъ сажень.

Всѣ классныя принадлежности и руководства обыкновенно приобрѣтаются родителями учениковъ. Для этого, за нѣсколько дней до окончанія изучаемой книги, учитель, лично или черезъ ученика, даетъ знать отцу послѣдняго, чтобы была куплена такая-то книга.

Въ средне-азиатской педагогикѣ не принято давать ученику уроковъ на домъ. По существующему обычаю, ученики проводятъ въ школѣ цѣлый день. Они собираются въ школу около 8-ми часовъ утра и остаются въ ней до заката солнца, отлучаясь только въ полдень домой на одинъ часъ, чтобы пообѣдать. Ученье въ школахъ обыкновенно идетъ круглый годъ, исключая еженедѣльно пятницъ и праздниковъ Рамазана, Курбанъ-Байрама и новаго года. По случаю прекращенія занятій въ эти дни, учитель не остается безъ подарковъ. Наканунѣ пятницы, въ четвергъ, ученики приносятъ учителю по одной сдобной лепешкѣ. Занятія въ этотъ день продолжаются только до полдня. Въ 12 часовъ, передъ роспускомъ учениковъ, учитель осматриваетъ у нихъ ногти, и тѣхъ, у которыхъ они окажутся нечистыми, бьетъ переплетомъ книги или доской, на которой пишется азбука. Послѣ осмотра ногтей всѣ ученики становятся въ рядъ, лицомъ къ Каабѣ, и учитель учитъ ихъ правиламъ намаза (молитвы). За этимъ онъ дѣлаетъ наставленіе ученикамъ: какъ вести себя въ отношеніи старшихъ, не пропускать время молитвы, почтительно отвѣчать на вопросы родителей и не откликаться, когда ихъ зовутъ звуками „ха“ и т. п., наконецъ, не играть на улицахъ въ горѣлки и др. игры. За неисполненіе этихъ совѣтовъ виновные наказываются фалахомъ¹⁾.

Передъ годовыми праздниками учитель заставляетъ учениковъ выучить слѣдующія чотырестишія, которыми дѣти должны поздравить родителей съ праздникомъ.

По случаю Рамазана.

Мѣсяцъ Рамазанъ уноситъ горе всѣхъ. Онъ даетъ всѣмъ вкусить шербетъ, очищающій грѣхи.

¹⁾ Фалахъ—палка, употребляемая при наказаніяхъ по пяткамъ.

Этотъ священный мѣсяцъ приходитъ въ годъ разъ.

Да сохранить васъ всѣхъ Богъ до другаго года!

По случаю Курбанъ-Байрама.

Праздникъ Курбанъ насталь, приносите жертвы.

Посвящайте свои души Господу Богу милосердному.

Пилигримы теперь обходятъ Каабу, а вы, православные, дѣлайте здѣсь доброе дѣло.

На новый годъ.

Во время новаго года народъ гуляетъ въ полѣ.

Соловьи въ цвѣтникѣ любятъ розы.

Отецъ, дай праздничныя (деньги), возрадуй моего учителя, и тѣмъ приготовь для себя жилище въ раю до послѣдняго дня.

Каждый изъ родителей, повѣщенный приведенными стихами о наступающемъ праздникѣ, считаетъ своею обязанностью послать учителю нѣсколько монетъ или же какой-либо другой подарокъ. Приведенные стихи не одинаковы во всѣхъ существующихъ школахъ и выбираются учителемъ изъ разныхъ сочиненій, или складываются имъ самимъ на каждый новый случай.

Для обученія каллиграфіи существуетъ нѣсколько почерковъ: Китаби ¹⁾, Корани ²⁾, Куфа и Райтани ³⁾; въ школахъ же употребляется преимущественно Китаби и Коранъ.

По поводу каллиграфіи замѣчу кстати объ этикетѣ, соблюдаемомъ мирзами въ частной перепискѣ. Принято обрѣзывать полукругомъ правый уголъ бумаги, на которой пишется письмо, что должно выражать желаніе, чтобы письмо быстрѣе дошло по назначенію. Въ основаніи этого обычая лежитъ слѣдующая легенда: письма Хозрета Сулеймана ⁴⁾ разносила птица Нудъ-Нудъ (потатуйка), держа ихъ въ клювѣ за правый уголъ. Въ настоящее время обрѣзываніе праваго угла письма, напоминая быстроту, съ которой птица разносила письма, выражаетъ желаніе такого же быстрого доставленія отправляемаго письма.

Дисциплинарными мѣрами, кромѣ совѣтовъ, щедро расточаемыхъ

¹⁾ Книжный, — извѣстно, что на востокѣ не существуетъ печатанія: всѣ книги рукописныя, вслѣдствіе этого и сложился особый почеркъ.

²⁾ Коранный.

³⁾ По мѣсту составленію письменъ.

⁴⁾ Соломона.

учителемъ по четвергамъ, ему служить, какъ было выше замѣчено, длинный пруть, всегда лежащій около него, переплетенная книга и линейка для взысканій за грязные ногти и, наконецъ, высшая мѣра наказанія это—фалахъ, состоящій изъ палки, длиною въ $\frac{1}{2}$ аршина съ веревочною петлей по срединѣ. Положивъ провинившагося ученика, на ноги ему надѣваютъ петлю и поднимаютъ ноги, держа за концы палки, для того, чтобы удобнѣе было дѣйствовать другою палкой по пяткамъ наказуемаго. Наказаніе этого рода примѣняется большею частью за побѣгъ отъ школьныхъ занятій. О неявляющихся нѣсколько дней въ школу ученикахъ наводится справка у родителей и, если окажется, что отсутствующій ученикъ уходитъ изъ дому, но не бываетъ въ школѣ, то для отысканія его командировются нѣсколько его школьныхъ товарищей. Право отколотить его палками по пятамъ, принадлежитъ разыскавшимъ его товарищамъ, какъ вознагражденіе за поимку.

Нельзя точно опредѣлить время прохожденія ученикомъ курса по изложенной выше программѣ. На это употребляется среднимъ числомъ отъ 6 — 8 лѣтъ. Многое въ этомъ случаѣ зависитъ отъ обстоятельствъ. Не рѣдко мальчикъ, прошедшій Коранъ, берется родителями изъ школы для торговыхъ или домашнихъ занятій. Равнымъ образомъ трудно опредѣлить и среднее число учениковъ въ школахъ. Цифра приходящихъ учениковъ сильно колеблется. Мои наблюденія со справками прошедшаго времени показываютъ, что въ послѣднее время, съ занятіемъ края Русскими, число посѣщающихъ школы учениковъ значительно уменьшилось; такъ, въ Самаркандѣ, нынѣ среднее число учениковъ въ каждой изъ школъ колеблется между 20 — 30, хотя и есть школы, въ которыхъ, по показаніямъ учителей, число это доходитъ до 60-ти. Впрочемъ, школъ съ такимъ числомъ учениковъ, весьма немного: къ нимъ можно отнести только тѣ, которыя посѣщаются дѣтьми нѣсколькихъ сосѣднихъ кварталовъ (гузаровъ), не имѣющихъ своихъ школъ по недостатку преподавателя или помѣщенія.

По показаніямъ туземцевъ Самарканда, самое значительное число учащихся было во время Эмира-Насруллы, когда было строго вмѣнено въ обязанность раисовъ (полицейскихъ чиновниковъ) слѣдить за тѣмъ, чтобы родители посылали своихъ дѣтей въ школы. При этомъ тѣ родители, дѣти которыхъ отъ пяти до семилѣтняго возраста не посѣщали школу, подвергались денежному штрафу, независимо отъ котораго, дѣтей ихъ отводили въ школу раисы. Съ вступленіемъ

на престолъ Эмира-Музафера, на народное образованіе мало обращалось вниманіа, и школы начали пустѣть.

Принимая во вниманіе вышеприведенныя данныя, я полагаю, можно принять за среднее число учащихся въ школахъ посѣщенныхъ мною городовъ 20—25 мальчиковъ на каждый гузаръ, безъ различія, есть ли въ немъ школа или нѣтъ, такъ какъ выше было замѣчено, что не рѣдко дѣти двухъ—трехъ магале посѣщаютъ одну школу, находящуюся въ центрѣ сосѣднихъ кварталовъ. Такимъ образомъ число учащихся въ Ходжентѣ, гдѣ 20 находится магале, будетъ 400 мальчиковъ.

Въ Ура Тюбе, 41 магале, 840 мальчиковъ.

Въ Джизикѣ, 7 магале, 7 школъ, 140 мальчиковъ.

Въ Зааминѣ, 2 школы, 100 учащихся.

Въ Самаркандѣ, 80 школъ, 1.000 учащихся.

Въ Ташкентѣ, 144 магале, 118 школъ, 2.036 мальчиковъ.

Въ началѣ я уже сказалъ, что въ городахъ Туркестанскаго края школа почти постоянно находится при мечети. То же встрѣчается и въ кышлакахъ (деревняхъ), но съ тою разницею, что здѣсь хотя и бываетъ нѣсколько мечетей, но школа учреждается только при одной или двухъ.

Преподаваніе въ школахъ въ кышлакахъ заканчивается Кораномъ. Родители, желающіе дать своимъ дѣтямъ большее образованіе, отвозятъ ихъ въ городъ къ мектебдару, у котораго и живетъ ученикъ до окончанія школьнаго обученія.

Въ заключеніе замѣчу нѣсколько словъ о грамотности между женщинами. Хотя грамотность между мусульманками въ среднеазиатскихъ городахъ сравнительно весьма мало распространена, тѣмъ не менѣе почти въ каждомъ городѣ находится одна или двѣ наставницы (биби-халифе), которыя специально занимаются обученіемъ грамотѣ дѣвушекъ.

Биби-халифе большею частію бываютъ жены школьныхъ учителей и имамовъ мечетей. Преподаваемый ими курсъ мусульманской мудрости не идетъ далѣе стихотвореній Хафиза.

Способы преподаванія и руководства у биби-халифе тѣ же, что и у школьныхъ учителей. Изученіе книгъ у нихъ идетъ тѣмъ же путемъ, одна за другою. Слѣдующія цифры обучающихся дѣвушекъ и биби-халифе, въ посѣщенныхъ мною городахъ, могутъ служить указателемъ грамотности между женщинами:

9	Биби-халифе въ	Ходжентѣ.
7	"	" Ура-Тюбе.
1	"	" Зааминѣ.
5	"	" Джизакѣ.
15	"	" Самаркандѣ.
25	"	" Ташкентѣ.

Учащіяся дѣвушки бываютъ большею частію дѣти богатыхъ людей. Для ученія онѣ собираются на домъ къ биби-халифе. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ наставницы принимаются въ домъ для обученія дѣвушекъ. То же самое можно замѣтить и о мектебдарахъ. Если биби-халифе или мектебдаръ приглашаются преподавать на дому, то въ этомъ случаѣ родители учащихся отводятъ имъ у себя отдѣльное помѣщеніе.

1871 года апрѣля 15-го.

Ташкентъ.

И. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

интересовъ края и преуспѣнія нашей родины, что самый споръ едва ли здѣсь допустимъ. Полезно и то, и другое, такъ какъ одинаково служить образованію общества. Чѣмъ разнообразнѣ будутъ образовательныя учрежденія, тѣмъ лучше.

Когда развивается какое-либо воспитательное учрежденіе, а также находится для него симпатія въ обществѣ и способности дѣятели, едва ли слѣдуетъ мѣшать ему или его дискредитировать. Въ одномъ городѣ могутъ быть симпатіи къ „обществу начальнаго образованія“, въ другомъ — къ „общественному музею“, — кому это мѣшаетъ? Въ Европѣ и Америкѣ, въ одномъ городѣ существуютъ десятки разнообразныхъ воспитательныхъ учреждений, и никто ихъ не оспариваетъ. Въ этомъ случаѣ исключительность „Сибирской Газеты“ не вполнѣ основательна. Чтобы наше мнѣніе не показалось личнымъ, прибавимъ, что точно такое же замѣчаніе высказалъ намъ, по поводу спора „Сибирской Газеты“, извѣстный знатокъ края и уважаемый дѣятель, Г. Н. Потанинъ, поручивъ намъ выразить его въ печати.

РУССКІЯ ШКОЛЫ ДЛЯ МУСУЛЬМАНЪ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

Отношеніе наше къ магометанскому населенію составляетъ весьма серьезный вопросъ на Востокѣ. Каждый изъ русскихъ понимаетъ, тѣмъ не менѣе, цивилизаторскія обязанности и приемы по своему. Обыкновенно принято объяснять всѣ неудачи наши нетерпимостью и фанатизмомъ мусульманъ, какъ свойствомъ магометанской религіи, но при этомъ пускаются изъ виду наши собственные промахи и незрѣлость. Мы не научились гуманности и терпимости къ инородческимъ племенамъ, которыя одни даютъ разрѣшеніе вопросу о привлеченіи къ цивилизаціи инородцевъ. Прилагаемая статья, принадлежащая образованному мусульманину, открываетъ пункты расхожденія между обѣими сторонами.

По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, изъ 98,516,348 общаго числа всѣхъ жителей Россіи, на долю инородцевъ приходится болѣе 27%, изъ которыхъ 10 миллионовъ мусульманъ. Эти цифры взяты нами изъ рѣчи, напечатанной въ „Отчетѣ о состояніи Туркестанской учительской семинаріи за 1881 г.“ и сказанной при годовичномъ ея актѣ 30 августа 1882 г. преподавателемъ исторіи и географіи Муроміевымъ.

Въ 1866 г. министръ народнаго просвѣщенія, при обзорѣни казанскаго учебнаго округа, въ залѣ университета высказалъ между прочимъ слѣдующую мысль: „Пусть православная церковь проложитъ путь Евангеліемъ, а затѣмъ послѣдуетъ наука съ своимъ свѣтомъ. Это совокупное дѣйствіе вѣры и науки несомнѣнно разсѣетъ восточную темь“. (Актъ открытія Казанской учит. сем., рѣчь Н. И. Ильминскаго, „Казан. Губ. Вѣд.“ 1882 г.). „Просвѣщать постепенно инородцевъ, сближать ихъ съ русскимъ духомъ и съ Россіей“, писалъ въ 1867 году г. министръ народнаго просвѣщенія въ своемъ всеподаннѣйшемъ отчетѣ, „составляетъ задачу величайшей политической важности въ будущемъ“. Не смотря, однако, на такую великую задачу Россіи на Востокѣ, правительствомъ, по смыслу рѣчи г. Муроміева, до сихъ поръ еще не установленъ правильный взглядъ на образованіе русскихъ мусульманъ. Въ отношеніи къ нимъ

дѣйствуютъ различныя системы; такъ, напр., въ Крыму и на Кавказѣ держатся одной системы, въ русскомъ Туркестанѣ — другой, въ Казани — третьей и четвертой. Между тѣмъ, русская школа въ русскомъ Туркестанѣ, въ продолженіи 15-ти лѣтъ ея существованія, по признанію г. Муроміева, не сумѣла привлечь къ себѣ достаточное количество туземцевъ и поселить среди нихъ уваженіе къ себѣ.

Если принять во вниманіе, что въ Туркестанѣ, Бухарѣ и др. мѣстахъ средней Азіи уже съ давнихъ поръ и гораздо раньше, чѣмъ въ Россіи, распространена между мусульманами грамотность и существуютъ духовныя школы при мечетяхъ, а также совершенно справедливое замѣчаніе Б. Торнау, что въ немусульманскихъ государствахъ рассчитывать напреданность мусульманскихъ подданныхъ возможно при одномъ лишь условіи, чтобы правительство и его агенты не затрогивали ихъ религіозныхъ понятій („Особен. мусульм. права“, Б. Торнау, Дрезденъ, 1880 г.), — то, конечно, фактъ равнодушія со стороны мусульманъ къ православнымъ школамъ и учительскимъ семинаріямъ, выставленный г. Муроміевымъ, не возбудитъ никакого удивленія. Тѣмъ болѣе, если вспомнить неудачные опыты въ дѣлѣ образованія инородцевъ и мусульманъ, неизгладившіеся еще изъ памяти туземцевъ недавняго времени въ Казанской и др. губерніяхъ, о которыхъ также упоминаетъ и г. Ильминскій въ своей рѣчи, сказанной при открытіи учительской семинаріи въ Казани („Казанск. Губернск. Вѣдомости“ 1872), и многіе другіе факты (Ханыковъ, Веселовскій и проч.).

Разбирая пригодность всѣхъ существующихъ нынѣ въ Россіи и предлагаемыхъ школьныхъ системъ для инородцевъ, особенно мусульманъ, и не находя ни одну изъ нихъ соответствующею своему назначенію, г. Муроміевъ высказываетъ совершенно вѣрное убѣжденіе, что главная цѣль, къ которой должны стремиться по отношенію къ инородцамъ, есть чисто государственная. Съ этою мыслью нельзя не согласиться, ибо всякое правительство не только имѣетъ право желать, но и обязано для блага управляемой имъ страны употребить всѣ усилія, чтобы имѣть въ инородцахъ такихъ же вѣрнопоклонныхъ гражданъ, какъ и въ коренныхъ своихъ жителяхъ. — Противъ этого, какъ доказалъ вѣковой и доказываетъ ежедневный опытъ, ни одинъ русскій мусульманинъ никогда не спорилъ и спорить не будетъ, такъ какъ законы его религіи предписываютъ ему „любовь къ землѣ, которая его кормитъ, и вѣрность повелителю, который охраняетъ матеріальныя и нравственныя его интересы“.

Далѣе г. Муроміевъ говоритъ, что „желаемое единеніе мусульманъ съ русскимъ населеніемъ должно быть проникнуто христіанской идеей правды, любви и милости“. Чего же лучше! Но мы не можемъ признать, что эта идея нынѣ исключительно христіанская, а полагаемъ, что она составляетъ общее достояніе и тотъ общечеловѣческій идеалъ, къ которому должны стремиться всѣ просвѣщенные народы. Эти три принципа, по мнѣнію г. Муроміева, заставляютъ быть крайне осторожнымъ какъ въ выборѣ средствъ, такъ и въ возведеніи этихъ средствъ въ опредѣленныя системы, которыя должны строго сообразоваться съ духомъ и характеромъ cadaго инородческаго племени (стр. 5). Тѣмъ болѣе нужно быть осторожнымъ въ выборѣ системы, продолжаетъ г. Муроміевъ, что мусульмане смотрятъ на русскихъ, какъ на „кяфировъ“ (?) и „гяуровъ“ (?), слѣдовательно, здѣсь, по его мнѣнію, „о пол-

номъ сочувствіи съ ихъ стороны не можетъ быть и рѣчи". Въ этомъ г. Муромцевъ положительно ошибается: ни одинъ народъ, принадлежащій къ великой русской семьѣ, не сходится такъ близко, въ религіозныхъ понятіяхъ, съ коренными членами этой семьи, какъ инородцы-мусульмане; это подтвердитъ всякій, кто серьезно и безъ предубѣжденія наблюдалъ взаимныя отношенія этихъ двухъ племенъ. "Оно и понятно", замѣчаетъ далѣе г. Муромцевъ, "если только взглянуть въ Коранъ, гдѣ Богъ говоритъ Магомету: "Ты не увидишь, чтобы люди, вѣрующіе въ Бога и въ послѣдній день, любили тѣхъ, которые противятся Богу и посланному его, хотя бы это были отцы ихъ, или дѣти ихъ, или братья ихъ, или какіе либо родственники ихъ (Коранъ, гл. 58, ст. 22 и др. мѣста). Очень жаль, что г. Муромцевъ, руководимый, какъ слѣдуетъ полагать, чувствомъ христіанской правды, не счелъ, однако, нужнымъ привести въ своей печатной рѣчи и нѣкоторые другіе стихи Корана, которые могли бы служить для людей, незнакомыхъ съ этою священною книгою мусульманъ, объясненіемъ смысла вышеприведеннаго стиха, какъ, напримѣръ, слѣдующій стихъ: "Тѣ, которые вѣрують, и жиды, и сабей, и христіане, однимъ словомъ, кто вѣруетъ въ Бога и въ послѣдній день, кто будетъ творить добро, тѣ будутъ освобождены отъ всякаго страха и не будутъ притѣсняемы (Коранъ, гл. 5, ст. 75 и др. мѣста). Вся исторія ислама служить нагляднымъ подтвержденіемъ, по мнѣнію г. Муромцева, существованія мусульманскаго фанатизма, а потому онъ считаетъ себя въ полномъ правѣ называть попытки нѣкоторыхъ образованныхъ мусульманъ, какъ Февлетъ Кильдеевъ и Гаспринскій, выставить "исламъ" самой чистой религіей, чуждой фанатизма — "грубымъ обманомъ". Насколько намъ извѣстно, эти мусульмане не отрицаютъ существованія фанатизма въ какой бы то ни было невѣжественной средѣ людей, въ томъ числѣ и между нѣкоторыми русскими магометанами. Очевидно, что г. Муромцевъ смѣшивалъ политическую исторію мусульманскихъ народовъ съ религіознымъ ученіемъ ислама, забывая при этомъ, что исторія христіанскихъ народовъ въ свою очередь представляетъ не мало примѣровъ невѣжественнаго фанатизма. Можемъ увѣрить автора, что между истинно-просвѣщенными мусульманами не только Россіи, но и всего земнаго шара, онъ не найдетъ религіознаго фанатизма. Онъ встрѣтитъ между ними лишь крѣпкое убѣжденіе въ томъ, что основныя истины ислама, какъ-то: существованіе единого Бога, пророческія качества Магомета, безсмертіе души, личная отвѣтственность передъ Богомъ каждаго мусульманина за свои дѣйствія, безъ посредниковъ и безъ догмата наслѣдственности прародительскаго грѣха Адама, и т. д. — не бояся ни свѣта науки, ни прогресса человѣческой мысли. Позволяемъ себѣ отвѣтить мимоходомъ и только слегка на вопросъ, переданный въ рѣчи г. Муромцевымъ (стр. 18) и поставленный Дреперомъ ("Ист. умств. развитія Европы", т. I, стр. 277): "неужели научная физиологія можетъ ужиться съ физиологіей Корана?" Скажемъ откровенно:— "Нѣтъ". Та часть научной физиологіи, которая отвергаетъ существованіе и безсмертіе души, и признаетъ "душу", т. е. "психику", со всѣми ея проявленіями, лишь продуктомъ матеріи (мозговой корки, фосфора и пр.), не можетъ ужиться съ ученіемъ Корана, которое признаетъ самостоятельное существованіе и безсмертіе души, созданной Богомъ отдѣльно отъ матеріи и прежде тѣла человѣка. На

чей сторонѣ безусловная истина, покажетъ дальнѣйшее научное развитіе психологіи и физиологіи.

Гораздо снисходительнѣе и ближе къ правдѣ, чѣмъ гг. Муромцевъ, Остроумовъ и др. просвѣтителы Востока, отзываясь объ ученіи ислама знаменитый своею ученостію іерархъ православной русской церкви, покойный московскій митрополитъ Макарій. Вотъ его слова: "Въ вѣрѣ магометанской, изложенной въ Алькоранѣ, надобно различать двѣ стороны во-первыхъ, истины заимствованныя изъ свящ. книгъ Ветхаго и Новаго Завета, каковы многія здравыя понятія о Богѣ и Его свойствахъ, объ ангелахъ, многія нравственныя предписанія и заповѣди, многія историческія сказанія—что подтверждается частыми ссылками на эти книги самого Магомета; и во вторыхъ — все то, что заимствовано изъ другихъ источниковъ: частью изъ древней арабскій вѣры, частью отъ иудейскаго талмуда, а частью измышлено самимъ Магометомъ. Перваго рода истины имѣютъ "полное свое достоинство", а не Магомету или Алькорану. Алькорану же принадлежитъ только то, что здѣсь эти свѣтлыя истины смѣшаны нерѣдко съ такими заблужденіями и баснями", которые почти совершенно затмѣваютъ ихъ и подмѣняютъ. ("Введеніе въ правосл. богословіе" Д. Б. Макарія, 3 изд. 1863 г., стр. 64). И такъ, по мнѣнію ученаго православнаго митрополита, "Алькоранъ"—священная книга мусульманъ—содержитъ въ себѣ не только заблужденія, но также и истины Божественнаго откровенія, полныя достоинства, заимствованныя изъ священныя книгъ евреевъ и христіанъ Ветхаго и Новаго Завета, и предшествовавшія Алькорану. Зачѣмъ же послѣ этого признавать, какъ это дѣлаютъ гг. Остроумовъ ("Туркест. Вѣд." 1883 г., № 10) и другіе, названную книгу исключительно несопособною вести мусульманъ по пути умственнаго и нравственнаго прогресса? Казалось бы, что дѣло просвѣщенія и цивилизаціи не заключается въ умаленіи достоинствъ или уничтоженіи религіи, содержащей въ себѣ, какъ выражается митрополитъ Макарій, многія здравыя понятія о Богѣ и Его свойствахъ, многія нравственныя предписанія и заповѣди, но состоитъ именно въ томъ, чтобы распространять рacionales понятія въ области вѣры, какъ и въ области науки, дабы они послужили къ отдѣленію "истинъ Божественнаго откровенія" отъ чуждыхъ имъ "человѣческихъ заблужденій", одинаково присущихъ какъ священнымъ книгамъ евреевъ и христіанъ, такъ и мусульманъ. Вотъ въ чемъ должна состоять задача просвѣщенія и цивилизаціи не только на Востокѣ, но и повсюду, гдѣ она имѣетъ доступъ, а отнюдь не въ приурочиваніи этого просвѣщенія исключительно къ какой-либо религіозной системѣ или обрядности. Признавать спасительное преимущество для человѣка одной формы религіи передъ другою—это дѣло миссіонеровъ отдѣльныхъ вѣроисповѣданій, но не дѣло педагоговъ. Въ нравственномъ нашемъ усовершенствованіи, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть истиннаго просвѣщенія и цивилизаціи, намъ нужно идти по пути, указанному пророками и учителями, а не придерживатись только болѣе или менѣе вѣрныхъ толкованій разными лицами словъ этихъ пророковъ. Вѣдь отвѣчать передъ людьми и Богомъ за наши поступки приходится лично намъ, а не толкователямъ этихъ великихъ людей.

(Продолженіе будетъ). Искандеръ-Мурра.

Какъ слышно, Кабинетъ имѣлъ въ виду возложить на г. Журина одну горную часть, съ тѣмъ, чтобы земельно-хозяйственное дѣло было поручено другому самостоятельному начальнику. Но въ силу неудобства имѣть двѣ головы на Алтай, г. Журина поручено быть номинально начальникомъ и этого отдѣла; для того же, чтобы земельный отдѣлъ, какъ сложный и малознакомый ему, не отвлекалъ его отъ прямого, спеціального дѣла, завѣдующій земельною частью помощникъ его долженъ былъ быть самостоятельнымъ до возможной степени. Но мечтѣ этой едва ли удастся осуществиться. Прежде всего населеніе привыкло видѣть въ начальникѣ — начальника, и гораздо чаще будетъ адресоваться къ нему, чѣмъ къ помощнику, да и много времени потребуется для того, чтобы приучить народъ къ новому порядку. Кромѣ того, до сихъ поръ не могутъ дожидаться назначеннаго Кабинетомъ помощника земельной части, а завѣдуетъ этимъ отдѣломъ помощникъ заводскаго отдѣла, въ то же время управляющій и Барнаульскимъ заводомъ, почему г. Журиновъ волею-не волею долженъ взяться за земельное дѣло. Удрученное неопредѣленностію земельного положенія, населеніе крестьянъ, тотчасъ по пріѣздѣ новаго начальника, повалило къ нему съ просьбами и жалобами „о своихъ нуждахъ и своихъ обидахъ“, какъ вновь назрѣвшихъ, такъ и давнишнихъ, вкривъ и вкосъ разрѣшенныхъ, или считающихся разрѣшенными, хотя въ дѣйствительности ничего неразрѣшено въ существующей земельной путаницѣ. Но такъ-какъ власть начальника находится пока безъ орудій, средствъ и правилъ для примѣненія ея въ дѣлѣ поземельнаго устройства мѣстныхъ крестьянъ, то, естественно, приходится отдѣлываться всякими способами отъ этихъ „прошателей о своихъ обидахъ и нуждахъ“, а „прошатели“, не солоно хлѣбавши, должны вернуться къ своимъ довѣрителямъ, по обыкновенію, ни съ чѣмъ. Между тѣмъ, тысячныя партіи переселенцевъ, прибывшихъ, прибывающихъ и осѣдающихъ въ округѣ, вносятъ все большую и большую путаницу и неурядицу въ отношенія крестьянъ по землепользованию, обостряютъ взаимныя ихъ отношенія и вызываютъ новыя земельныя споры и недоразумѣнія между крестьянами-старожилками съ одной стороны и переселенцами — съ другой

Алтаецъ.

РУССКІЯ ШКОЛЫ ДЛЯ МУСУЛЬМАНЪ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ *).

Что русская цивилизація стоитъ выше мусульманской, объ этомъ, по мнѣнію г. Муроміева, не можетъ быть и спора (стр. 12), а потому русскій человѣкъ не только можетъ, но и долженъ держаться, по отношенію къ своимъ инородцамъ, „русификаціонной политики“. Первымъ и главнымъ принципомъ, который долженъ быть положенъ въ основу образованія русскихъ мусульманъ, должно быть — говорить г. Муроміевъ — „обрусеніе ихъ“. Не говоря о томъ, что терминъ „обрусеніе“ различно понимается русификаторами вообще, и что г. Муроміевъ не опредѣляетъ его точнѣе, чѣмъ другіе, — позволяемъ себѣ замѣтить, что дол-

женъ быть, какъ онъ выражается, только легко сказать; но можетъ ли съ успѣхомъ для подъема нравственнаго духа быть примѣнимъ указанный имъ принципъ при настоящемъ состояніи русской цивилизаціи? — это другой вопросъ, на который пусть отвѣтитъ Г. Н. Страховъ, знатокъ русскаго просвѣщенія. „Конечно, мы (русскіе) достигли бы наилучшаго успѣха въ нашемъ просвѣщеніи“, говоритъ, между прочимъ, г. Страховъ, „еслибы у насъ изъ всѣхъ учебныхъ заведеній юноши выходили съ твердымъ сознаніемъ, что они еще большіе невѣжды, что имъ нужно еще много и долго трудиться, чтобы достигнуть степени истинно-просвѣщеннаго человѣка, и что большинству изъ нихъ вовсе не суждено достигнуть этой степени. Тогда можно было бы „сказать, что этихъ юношей основательно учили, и что они правильно понимаютъ, что они такое въ дѣйствительности“ („Борьба съ западомъ“, ч. 2, С.-Петербург. 1883, стр. 241).

По мнѣнію многихъ весьма умныхъ русскихъ людей, безъ помощи православія не можетъ будто бы вполне состояться обрусеніе инородцевъ, — такимъ образомъ, слѣдовало бы, по примѣру казанской школьной системы, держаться православной пропаганды. Но тутъ г. Муроміевъ расходится съ своими казанскими товарищами и говоритъ: „обрусеніе можетъ быть достигнуто въ школьномъ дѣлѣ только тою образовательною системою, въ основаніе которой положены два главные принципа: „русскій языкъ“ (совершенно вѣрно) и „игнорированіе“ религіозной стороны вообще русскихъ инородцевъ-мусульманъ, и слѣдовательно уклоненіе отъ прозелитизма, не потому, чтобы онъ былъ безпомощенъ, но такъ какъ, по мнѣнію г. Муроміева, исламъ съ теченіемъ времени, какъ религіозная доктрина, при столкновеніи съ высшей христіанской культурой — самъ собой уничтожится. Съ этимъ трудно согласиться по многимъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить. Конечно, очень можетъ быть, что русская цивилизація въ Туркестанѣ имѣетъ болѣе задатковъ на уничтоженіе ислама, чѣмъ англійская и французская въ Индустанѣ и Алжиріи, гдѣ она этого до сихъ поръ сдѣлать не могла, не смотря на всѣ усилія ея просвѣщенныхъ миссіонеровъ; но сильно разсчитывать на такое могущество русской цивилизаціи въ отношеніи религіозныхъ понятій русскихъ мусульманъ, мнѣ кажется, неосновательно, тѣмъ болѣе, что пока нѣтъ никакихъ фактовъ, подтверждающихъ справедливость мнѣнія г. Муроміева. Гораздо цѣлесообразнѣе въ такомъ великомъ и важномъ дѣлѣ, какъ нравственное объединеніе, черезъ просвѣщеніе, всѣхъ русскихъ подданныхъ различныхъ вѣроисповѣданій и народностей, разсчитывать на другія, болѣе культурныя въ концѣ XIX вѣка средства, какъ-то на подъемъ экономическаго и матеріальнаго благосостоянія, на свободу религіозную и научную, чѣмъ на игнорированіе и уничтоженіе ислама, съ которымъ г. Муроміевъ, какъ уже было сказано, довольно мало знакомъ, какъ и многіе другіе русскіе педагоги на Востокѣ. Свою рѣчь г. Муроміевъ оканчиваетъ такъ: „Туземные мальчики большею частію выходятъ изъ нашихъ школъ (туркестанскихъ) не доканчивая учебнаго курса, съ крайне плохимъ знаніемъ русской рѣчи, русской грамоты и русскаго народа; а взрослые и до сихъ поръ отчасти страшатся русской школы, отчасти не ожидаютъ никакой пользы отъ нея. Наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы заставить туземцевъ полюбить и уважать нашу школу и до-

*) См. «Восточн. Обзоръ», № 36 за 1883 г.

вѣрять ей. Видѣ сѣмѣли англичане поставить свои школы въ Индіи такъ, что туземцы, особенно, что весьма замѣчательно, мусульмане, не только относятся сочувственно къ нимъ, но, по свидѣтельству Вуда, нерѣдко заявляютъ готовность учреждать ихъ на собственные средства. Почему же мы, русскіе, не можемъ этого сдѣлать? Было бы въ насъ только желаніе и энергія, и мы, конечно, сѣмѣемъ добиться желаемыхъ результатовъ. Но предварительнѣе намъ нужно знать, гдѣ кроются причины неудовлетворительнаго положенія образованія инородцевъ въ нашихъ школахъ; нужно изучить быть, характеръ, экономическія и социальныя условія нашихъ туркестанскихъ инородцевъ. Тогда только, и только тогда, можно подумать о созданіи такихъ новыхъ условій, которыя бы наиболѣе благоприятствовали такому высокому государственному дѣлу, какъ просвѣщеніе инородцевъ.

Съ этимъ заключеніемъ г. Муроміева нельзя не согласиться. Дѣйствительно, трудно безъ предварительнаго изученія религиозныхъ, социальныхъ и экономическихъ условій народа привить къ нему какую бы то ни было цивилизацію, тѣмъ болѣе русскую, которая сама еще находится въ младенчествѣ.

Не входя въ разборъ приведенныхъ г. Муроміевымъ въ своей рѣчи четырехъ системъ образованія русскихъ мусульманъ, которыхъ онъ не одобряетъ, заключаю только, что и г. «норировать», какъ онъ совѣтуетъ, религиозныя убѣжденія инородцевъ, съ которыми желаютъ коротко соединиться въ государственномъ отношеніи посредствомъ просвѣщенія, такъ же мало удобно, какъ пропагандою или другими способами насильственно заставить переимѣнить религиозныя убѣжденія. Тѣмъ болѣе руссификація инородцевъ, въ особенности мусульманъ, черезъ просвѣщеніе, въ смыслѣ нравственнаго единенія, возможна, по моему мнѣнію, только тогда, когда, во-первыхъ, установится взаимное уваженіе между двумя религиозными формами—между исламомъ и православіемъ; во-вторыхъ, когда русскіе мусульмане поймутъ, что ихъ религиозное ученіе отнюдь не противится прогрессу и не препятствуетъ умственному развитію во всѣхъ областяхъ человеческого знанія; въ-третьихъ, когда предлагаемое мусульманамъ, со стороны русскихъ педагоговъ, просвѣщеніе будетъ дѣйствительно таковымъ для нихъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи и принесетъ имъ помощь; наконецъ, въ-четвертыхъ, что самое главное, когда русскіе мусульмане убѣдятся на дѣлѣ, что въ Россіи существуетъ полная вѣротерпимость и что за русской рѣчью не слѣдуетъ по пятамъ религиозная пропаганда. При этихъ условіяхъ необходимо, конечно, чтобы русскіе педагоги основательнѣе ознакомились съ ученіемъ ислама и съ арабскою литературою, чѣмъ теперь, притомъ съ точки зрѣнія болѣе научной и философской, чѣмъ метафизической и легендарной. Тогда, быть можетъ, и арабскій пророкъ представится имъ въ иномъ свѣтѣ, а не психически только большимъ человекомъ, страдавшимъ галлюцинаціями, или искателемъ приключеній, которому мечемъ и огнемъ удалось провести ученіе, само по себѣ нигде негодное, какъ только въ сдачѣ въ архивъ историческихъ памятниконъ человѣческихъ заблужденій.

Англичане прекрасно поняли, что мусульманамъ Индіи, которыхъ насчитываютъ въ британскихъ владѣніяхъ болѣе 40 милліоновъ, нужно дать, если не лучше, чѣмъ то, что они имѣютъ, то, по крайней мѣрѣ, равнокачественное въ умственномъ и нрав-

ственномъ отношеніи, а потому ихъ школы дѣйствуютъ успешно. Изъ сочиненія Гарсена де Тасси и др. (Garcin de Tassy, langue et lit. Hindoust.) видно, что въ Индіи существуютъ двоякаго рода школы для инородцевъ—миссіонерскія и правительственныя. Первые учреждены съ цѣлью христіанской пропаганды посредствомъ разныхъ миссіонерскихъ обществъ и не имѣютъ никакого успѣха; программа вторыхъ—чисто-научная и техническая, безъ всякаго преподаванія Закона Божія, и на смѣшанныхъ языкахъ, смотря по языковѣднѣ преподавателя. Эти школы имѣютъ большой успѣхъ, и туземцы посѣщаютъ ихъ съ удовольствіемъ, жертвуя нерѣдко деньги для устройства ихъ. Кромѣ этихъ двухъ родовъ школъ, существуютъ еще туземныя, въ которыхъ преподаютъ магометанское богословіе и свѣтскія науки на различныхъ языкахъ. Англійское правительство поддерживаетъ эти школы своими денежными средствами, хотя они и учреждаются по инициативѣ и на деньги мѣстныхъ мусульманъ. Самая знаменитая такая англо-восточная высшая школа или медресе существуетъ въ г. Ашгархѣ. Англійское правительство убѣждено, и совершенно справедливо, что рано или поздно просвѣщеніе, понятое такимъ рациональнымъ образомъ, соединитъ между собою разнородныя племена Индустана и поселитъ между ними культурное благосостояніе.

Искандеръ-Мурра.

СИБИРСКІЯ ЛѢТОПИСИ.

(Критико-библиографическое обозрѣніе).

Между русскими мѣстными лѣтописями, сибирскія во многихъ отношеніяхъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. При изученіи этихъ лѣтописей является довольно важный вопросъ: кто былъ Несторомъ сибирской лѣтописи, кто положилъ начало сибирскому лѣтописанію? На этотъ вопросъ опредѣленно отвѣтить трудно. По нѣкоторымъ даннымъ, только можно предполагать, что Кипріанъ, первый архіепископъ тобольскій (1621—24 г.), былъ авторомъ, если не первоначальной сибирской лѣтописи, то одной изъ древнѣйшихъ. По свидѣтельству лѣтописи Саввы Есинова, этотъ архіепископъ, во второй годъ служенія своего въ Сибири (1622 г.), „повелѣлъ разспросити Ермаковскихъ козаковъ, како они придоша въ Сибирь и гдѣ съ погаными были бои, и кого гдѣ убили поганы на брани“. И казаки, по словамъ той же лѣтописи, доставили Кипріану свѣдѣнія о своемъ походѣ въ Сибирь¹⁾. Но были ли составлены Кипріаномъ какія нибудь записки о походахъ Ермака и его товарищей, неизвѣстно; и никакой лѣтописи, составленной этимъ архіепископомъ, до насъ не дошло. Г. И. Спасскій, издававшій въ первой четверти нынѣшняго столѣтія журналъ „Сибирскій Вѣстникъ“, высказываетъ мнѣніе, что если Строгоновская лѣтопись, древнѣйшая между сибирскими, не составлена Кипріаномъ, то свѣдѣнія, собранныя послѣднимъ, могли служить для нея основою.²⁾

¹⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“, часть I, Спб. 1824 г. Сибирская лѣтопись Саввы Есинова, стр. 167.

²⁾ „Сибирскій Вѣстникъ“, ч. I, Спб. 1824 г., стр. 118.